

Отрекаться от них не мог

Не знаю, как у других, но у меня, когда приезжаю в Санкт-Петербург и, не торопясь, направляюсь по Садовой в сторону дома № 61, сердце сжимается от боли. Чем ближе, тем боль сильнее, и подчас появляется даже некая боязнь подойти к дому. Мысли выстраивают драматическую цепь событий конца января 1837 года.

мск. правда. - 2001. - 10 февр. - с. 7.

Всеволод ЧУБУКОВ

СЛУЖБА молодого выпускника Царско-сельской школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров корнета Михаила Лермонтова ограничивалась парадами, смотрами, ежедневными учениями, несением дворцовой караульной службы. В связи с предстоящим приездом в Петербург бабушки он осенью 1836 года подыскал для нее квартиру, о чем тут же сообщил ей: «Квартиру я нанял на Садовой улице в доме князя Шаховского за 2000 рублей - все говорят, что недорого, смотря по числу комнат. Карета также ждет вас...»

После окончания летних военных учений Михаил переехал в Петербург, там же поселился и его близкий друг детства Святослав Раевский.

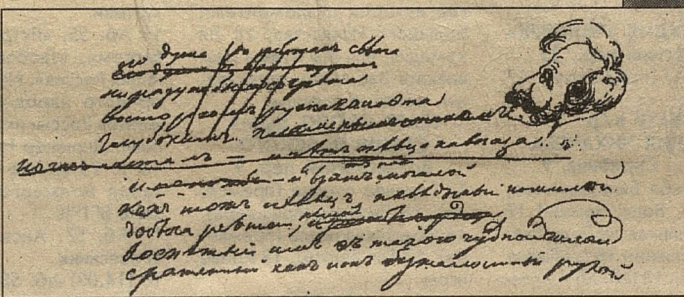
Вечером 27 января по Петербургу разнеслась страшная весть о дуэли Пушкина. Лермонтов был простужен и о трагедии на Черной речке узнал от лечившего весь великосветский Петербург доктора Н. Ф. Арендта. По просьбе бабушки он приехал от раненого Пушкина и нашел ее внука в крайне нервном возбуждении при затянувшемся гриппе. Однако добрейшая душа Николая Федоровича не умела «сдерживать своих слов». Он не прописал больному никаких лекарств, а «успокаивал своей беседой, рассказав ему всю печальную эпопею».

Потрясенный Лермонтов «под свежим еще влиянием истинного горя и негодования» в один присест написал первые 56 строк стихотворения. Его «в несколько рук» многократно переписывали, и оно быстро распространилось по Петербургу. Стихи выучивали наизусть, столица бурлила. Ходили разговоры и домыслы об их авторе. О стихах стало известно властям, и Николай I их даже «удостоил высокого одобрения».

7 февраля к своей тетке и еще больному Михаилу зашел служивший под начальством Нессельроде его двоюродный дядя Николай Столыпин (одногодок поэта), стал расхваливать его стихи, заметив, что он, «апофизировав Пушкина, слишком нападает на невольного убийцу, который, как всякий благородный человек, после всего того, что было между ними, не мог бы не стреляться». Лермонтов не выдержал: «Русский человек, не офранцузенный, не испорченный, снес бы со стороны Пушкина всякую обиду; снес бы во имя любви своей к славе России, не мог бы поднять руки своей на нее». Он был уверен, что государь накажет виновников убийства. Столыпин ответил, что «иностранцам нет дела до поэзии Пушкина, что судить Дантеса и Геккеря по русским законам нельзя, что ни дипломаты, ни знатные иностранцы не могут быть судимы на Руси». Лермонтов вспылал: «Если над ними нет закона и суда земного, если они палачи гения, так есть Божий суд». Ссора разгорелась и толкнула поэта, схватив лист бумаги, сесть в дальнем углу и, ломая карандаши, почти без поправок, минут за пятнадцать написать новые 16 строк, начинавшиеся словами: «А вы, надменные потомки...»

Святослав Раевский быстро переписал их и стал распространять среди друзей, а те мгновенно передавали дальше. Эти строки переписывались в десятках тысяч экземпляров. Так что дня через два или три весь Петербург читал и знал дополнение к стихам Лермонтова. Город забурлил с новой силой. Думали, что это стихи другого автора: настолько они были резки и отличались от прежних. Однако жандармерия легко разобралась в авторстве.

Бабушка, что уж тут сказать, откровенно приняла сторону Дантеса. Она была уверена, что «Пушкин сел не в свои сани, севши в них, не сумел управлять конями, помчавшими его, наконец, на тот сугроб, с коего вел один лишь путь в пропасть». Ходили толки, что «особенно же юбки» и Дантес «страшно рассердился на нового поэта», а командир лейб-гвардии Гусарского полка генерал М. Г. Хомутов будто бы утверждал, что, «не сиди убийца Пушкина на гауптвахте, он непременно послал бы вызов Лермонтову за его ругательные стихи». Один из самых злобных ненавистников Михаила Юрьевича, начальник штаба корпуса жандармов генерал Л. В. Дубельт откровенно заявил, что «в четырех последних стихах заключается весь яд». Именно его в профиль Лермонтов нарисовал на черновой рукописи против вычеркнутых им строк с характеристикой Дантеса.

Граф А. Х. Бенкендорф сообщил государю о событиях, происходивших в городе, приложил к письму эти строки, сделав к ним комментарий: «Вступление к сочинению дерзко, а конец - бесстыдное вольнодумство, более чем преступное». Он хорошо знал и уважал бабушку Лермонтова, ему была известна и ее любовь к внуку, поэтому, несмотря ни на что, «искренне желал дать делу благоприятный оборот». Но Николай I по городской почте уже получил этот текст под заглавием: «Воззвание к революции». Император был разгневан и распорядился провести у Лермонтова в Царском Селе обыск, но нашли лишь пустые ящики в письменных столах его нетопленной квартиры. Государь также велел старшему медику гвардейского корпуса «посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он: а затем мы поступим с ним согласно закону».

Однако автор стихов оказался вполне вменяемым. Лермонтова арестовали и поместили в одну из верхних комнат Генерального штаба, где «19 февраля ему был учинен первый допрос».

Небезынтересно проследить ход мыслей поэта, попавшего в столь незавидное положение. Вот хотя бы немного из его первого объяснения: «Я был еще болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина <...>. Одни - приверженцы нашего лучшего поэта - рассказывали с живейшей печалью, какими мелкими мучениями, насмешками он долго был преследуем и принужден сделать шаг, противный законам земным и небесным, защищая честь своей жены <...>. Другие, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднейшим человеком <...>. Сильное негодование вспыхнуло во мне против этих людей <...>. Когда я стал спрашивать: на каких основаниях так громко они встают против убитого? - мне отвечали <...>, что весь высший круг общества такого же мнения. Я удивился; надо мною смеялись. После двух дней беспокойного ожидания пришло печальное известие, что Пушкин умер, и вместе с этим известием пришло другое - удивительное: государь император <...> подал великодушную руку несчастной жене и малым сиротам его <...>. Я был твердо уверен, что сانونики государственных разделов благородные и милостивые чувства императора <...>, но, тем не менее, я слышал, что некоторые люди <...> не переставали омрачать память убитого и рассеивать разные, невыгодные для него, слухи. Тогда, вследствие необдуманного порыва, я излил горечь сердечную на бумагу <...>, не полагая, что написал нечто предосудительное, что многие ошибочно могут принять на свой счет выражения, вовсе не для них назначенные <...>. Но если мне нет оправдания, то молодость и пылкость послужат <...> объяснением, - ибо в эту минуту страсть была сильнее холодного рассудка <...>».

Когда я написал стихи мои <...>, то один мой хороший приятель, Раевский, <...> просил у меня их списать <...> и таким образом они разошлись <...>, но отрекаться от них, хотя постиг свою необдуманность, я не мог: правда всегда была моей святыней и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твердостью прибе-

гаю к ней, как единственной защитнице благородного человека перед лицом царя и лицом Божиим».

Через два дня Раевский был посажен под арест, и за распространение стихотворения всю вину он взял на себя. Бабушка ожидала серьезного наказания своему Мишеньке. По закону могли быть Сибирь, Вятка, разжалование в рядовые и другие последствия. Она была уверена, что он «по молодости и ветрености написал стихи на смерть Пушкина и в конце <...> неприлично насчет придворных <...>», но все же надеялась на снисходительность государя. И он рассудил «потечески»: принял во внимание чистосердечное признание провинившегося, который к тому же не заперся и назвал имя сообщника, «к распространению руку приложившего».

25 февраля военный министр граф Чернышев доложил шефу жандармов графу Бенкендорфу: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: Л. Гв. Гусарского полка, Корнета Лермонтова, за сочинение известным Вашему Сиятельству стихов, перевести тем же чином, в Нижегородский Драгунский полк; а Губернского Секретаря Раевского, за распространение сих стихов <...> выдержать под арестом в течение одного месяца, а затем отправить в Олонецкую губернию, для употребления на службу <...>».

Друзья-офицеры выразили желание «по подписке» дать Лермонтову прощальный обед, но командир полка на такую инициативу гусар не согласился. Он полагал, что подобные проводы могут быть истолкованы как протест против выписки поэта из полка. И 19 марта Михаил Юрьевич отправился в свою первую ссылку. По роковому стечению обстоятельств в тот же день Россию навсегда покидал, приговоренный судом к смертной казни через повешение, но, как иностранный подданный, помилованный императором и разжалованный им в солдаты Жорж Дантес...

В ЛЕРМОНТОВСКИЕ времена дом на Садовой был двухэтажным с небольшим фронтоном, в 1875 году его надстроили еще двумя, а в 1905-м - еще одним этажом. В нем поэт снял квартиру - несколько комнат на втором этаже, слева от парадного входа, над которым ныне укреплен знак номера дома. Войдя в него, по растрескавшимся, покосившимся и истоптанным мраморным ступеням с еще сохранившимися фрагментами чугунных ограждений лестницы можно подняться к верхним этажам. В бывшей квартире поэта год от года меняются фамилии жильцов, что указывает около звонков на старой двери. Раньше были: Пизарская, Васильева, Салдарева. Теперь - Крючковы, возможно, что это временные переселенцы или семья военнослужащих: они занимают многие квартиры дома. Вряд ли кто-либо из них знает, какие события происходили здесь в те печальные дни, когда Россия потеряла Пушкина.

Всякий раз некоторое время задерживаюсь у этой двери, звонить не решаюсь. Жду, может, на удачу кто-нибудь и выйдет. Такого случая пока не представилось. Рассказывают, что в северную столицу приезжали представители рода Лермонтовых - предлагали реставрировать флигель, выходящий на Садовую. Однако власти пожелали, чтобы был проведен ремонт всего комплекса строений, даже не относящихся к поэту. В результате сделка не состоялась.

Слава богу, что еще цел этот очень старый петербургский дом.

На снимках: черновой автограф; фасад дома на Садовой, 61; памятная доска, установленная на доме, архитектор М. Ф. Егоров, скульптор барельефа поэт Н. В. Дадькин.

Фото автора.

10.02.2001

Лермонтов Михаил